

Владимир Геннадьевич Хандорин
доктор исторических наук,
профессор кафедры истории
и исторического архивоведения Московского
государственного института культуры

Роль адмирала А.В. Колчака в укреплении российской государственности

В противоположность советскому утопическому проекту «мировой революции» и радикальной ломки традиционных финансово-экономических, социокультурных и политических институтов и отношений, Белое движение было направлено на сохранение, укрепление и эволюционное развитие российской государственности и её традиций. Наиболее наглядный пример в этом отношении даёт деятельность А.В. Колчака и его правительства, поскольку он был признан всеми остальными тогдашними региональными белыми лидерами (А.И. Деникиным, Н.Н. Юденичем, Е.К. Миллером) в качестве Верховного правителя России, и соответственно его правительство – в качестве всероссийского.

Разумеется, и до революции всей своей деятельностью, и прежде всего военной, Колчак способствовал укреплению мощи России, но тогда это касалось только военно-морских и отчасти географических (проекты освоения Северного морского пути) аспектов. Стоит отметить, что и в начале русской смуты 1917 года, при бессильном Временном правительстве, он был среди тех немногих, кто пытался противостоять развалу государства и вооружённых сил (вплоть до своей вынужденной отставки в июне 1917 г. с поста командующего Черноморским флотом). Из всех представителей высшего военного командования А.В. Колчак был *единственным*, кто в критические февральско-мартовские дни 1917 года не послал Николаю II телеграммы с пожеланием отречения, и уже накануне отречения издал приказ, в котором писал: «Приказываю всем чинам Черноморского флота и вверенных мне сухопутных войск продолжать твёрдо и непоколебимо выполнять свой долг перед

Государем Императором и Родиной»¹. Но в наибольшей и самой непосредственной степени деятельность А.В. Колчака по укреплению российской государственности проявилась в годы Гражданской войны, в его бытность Верховным правителем.

В противовес советской власти, принципиально отрицавшей какую-либо преемственность в отношении старого Российского государства, правительство Колчака, наоборот, подчёркивало такую преемственность во всём, начиная с **символики** и атрибутики. Так, были восстановлены национальный бело-сине-красный *флаг*-триколор; несколько видоизменённый *герб*, на котором монархические регалии – короны над головами двуглавого орла, скипетр и держава – были заменены крестом Святого Константина с девизом «Сим победиши» и мечом в лапах орла; петровская *Табель о рангах* с её 14 классами (как в отношении военных и военно-морских, так и гражданских чинов, за исключением придворных); *наградная система* орденов, связанных с национальными святыми. Помимо этого, учреждались и новые боевые знаки, отражавшие события Гражданской войны: «За освобождение Сибири» и позднее «За Великий сибирский поход». Была восстановлена традиционная *форма одежды* чиновников и военных; *знаки различия* чинов и званий, и прежде всего *погоны*, являвшиеся основным внешним отличием белой армии от красной; трёхцветные *кокарды*; строгая дисциплина и чиновпочитание в армии (вплоть до старорежимного титулования генералов «ваше превосходительство»), за немногочисленными исключениями вроде монархического *гимна* «Боже, Царя храни» (временно заменённого патриотической песней «Коль славен» на музыку Д.С. Бортнянского²) или чересчур архаичного титулования офицеров «благородиями».

Опять же, отдельные изменения в государственной символике были связаны не с отрицанием монархии, в котором нередко обвиняют Белое

¹ Кручинин А.С. Адмирал Колчак. Жизнь, подвиг, память. М., 2009. С. 126.

² Постановление Совета министров об установлении Российского национального гимна, 19 ноября 1918 г. // Правительственный вестник (Омск). 1918. 13 декабря; Законодательная деятельность Российского правительства адмирала А.В. Колчака: сборник / Сост. Е.В. Луков, Д.Н. Шевелёв. Томск, 2002–2003. Вып. 1. С. 41; ГАРФ. Ф. р-176. Оп. 5. Д. 5. Л. 12.

движение иные современные критики, а с осторожным отношением к данному вопросу в условиях революции и упадка престижа монархической идеи в широких массах, что породило известную схему «непредрешения» государственного устройства будущей России, которое должно было определить *после победы* над большевиками *вновь* избранное общенациональное Учредительное собрание (характерно, что белые категорически отвергали идею воссоздания старого, эсеровского в своей основе Учредительного собрания, разогнанного большевиками в январе 1918 года, под предлогом того, что оно было избрано «в обстановке народной смуты»). Это совершенно не даёт повода обвинять Белое движение в «феврализме» и приравнивать его к демократическому Временному правительству 1917 года. Весьма символичен тот факт, что А.В. Колчак официально *запретил* празднование годовщины Февральской революции и какие-либо мероприятия и манифестации в её честь.

Да и сама модель власти, принятая при Колчаке и других региональных белых лидерах – временная военная диктатура до полного окончания Гражданской войны – не имела ничего общего с демократией эпохи Временного правительства и его аналогов в 1918 году на востоке России (Комуч, Директория и др.), в отсутствие соответствующих традиций обернувшейся *анархией*. Не будучи тоталитарно террористической и партийно-идеологической (как советская власть), эта диктатура наследовала умеренно авторитарные традиции Российской Империи, признавая те либеральные начинания, которые постепенно внедрялись на поздних этапах её истории (такие, как относительная свобода печати, партий и профсоюзов, земское и городское самоуправление на местах, демократическую судебную систему – более того, правительство Колчака распространило сферу действия судов присяжных на Восточную Сибирь и Дальний Восток³, где ранее их не было).

³Правительственный вестник. 1919. 30 января; Законодательная деятельность Российского правительства адмирала А.В. Колчака. Вып. 2. С. 100–103.

Разумеется, в обстановке Гражданской войны репрессивное законодательство неизбежно ужесточилось, большую роль играли военно-полевые (в прифронтовой полосе) и военно-окружные суды, а в боевой обстановке разрешалось коммунистов и добровольцев Красной армии в плен не брать⁴. Но при этом т. н. белый террор не идёт ни в какое сравнение с красным террором. Репрессивное законодательство Колчака – как и всё остальное законодательство его правительства – опиралось на аналогичное законодательство дореволюционной России, начиная с «Положения об усиленной и чрезвычайной охране» 1881 г. (его развитием можно считать принятое при Колчаке специальное «Положение о лицах, опасных для государственного порядка вследствие прикосновенности их к бунту, начавшемуся в октябре 1917 года»⁵). Практически все чрезвычайные меры против повстанцев и партизан, санкционированные А.В. Колчаком и его правительством в *чрезвычайной* обстановке бунтов, повторяли аналогичные меры правительства П.А. Столыпина (с карательными отрядами, военно-полевыми судами и проч.) против революционеров в 1906–1907 гг.

Это не имеет ничего общего с красным террором, который советская власть возвела в систему управления, в основу которого легли два документа: декрет Совнаркома РСФСР от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре» и приказ народного комиссара РСФСР от 4 сентября 1918 г. «О заложниках»⁶. Эти документы определили два главных отличия красного террора от белого: 1) предоставление органам ВЧК права внесудебных расстрелов; 2) массовое взятие заложников из «классово враждебных» слоёв населения с применением к ним расстрелов как меры устрашения. Само понятие права трактовалось в ст. 1 «Руководящих начал по уголовному праву» РСФСР 1919 г. как «система

⁴Русская армия (Омск). 1919. 16 мая.

⁵ГАРФ. Ф. р-176. Оп. 4. Д. 18. Лл. 253–254.

⁶Известия (М.). 1918. 4 сентября; Еженедельник ВЧК. 1918. № 1. С. 11; РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 192. Л. 10.

(порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованной его силой»⁷.

Ничего подобного со стороны белых не было – как в их правоустанавливающих документах, так и на практике (в связи с чем о «белом терроре» можно говорить с достаточной степенью условности). Лица, заподозренные в подпольной деятельности в пользу большевиков либо совершившие преступления при советской власти, подлежали суду; исключение из этого правила при А.В. Колчаке допускалось, как уже говорилось, только в прифронтовой полосе в *боевой* обстановке. Система же заложничества, принятая у красных, у белых в *централизованном* виде отсутствовала. В целом белые ориентировались на возрождение *правового* государства, складывавшегося в России со времён реформ Александра II. При колчаковском правительстве был даже создан специальный межведомственный Комитет по обеспечению порядка и законности в управлении, в составе министра внутренних дел, министра юстиции и военного министра. При взаимной ожесточённости и массовых эксцессах на местах с обеих сторон в обстановке Гражданской войны, белогвардейские власти в лице их высших руководителей стремились ввести репрессии в какие-то рамки законности и пресекать злоупотребления, тогда как советская власть своими актами всячески поощряла, выражаясь словами В.И. Ленина, «энергию и массовидность террора». И в этом принципиальная разница между красным и белым террором.

При Колчаке, с целью обеспечения контроля над всеми ветвями власти 1 июня 1919 г. был введён в действие закон о независимом от правительства государственном контроле. Государственный контролёр, как и судебные органы, хоть и назначался Верховным правителем, но был *несменяемым*.

В противовес советской власти, во всех своих символах и названиях подчёркивавшей свой «классовый», идеологический характер (серп и молот, Красная армия, «красный террор» и т. д.), Белое движение стремилось

⁷ Цветков В.Ж. Адмирал Колчак: «преступление и наказание» Верховного правителя России. С. 45.

подчёркивать свой *национальный* и общегосударственный, надклассовый характер. Не случайно и белая армия официально именовалась Русской армией.

Преемственность от старого Российского государства проявилась и в принятии на себя правительством А.В. Колчака, на правах всероссийского правительства, всех **обязательств** Российской Империи и Временного правительства - как внутренних (выплата пенсий и различные льготы тем, кто начал получать их до революции, и т. п.), так и внешних, включая союзные отношения с державами Антанты, непризнание сепаратного и антинационального Брестского мира, принятие на себя внешних долгов Российского государства, оговорённое специальной декларацией от 21 ноября 1918 г.⁸

С учётом печального опыта «демократии» 1917 года, разрушившей армию и разложившей страну, были возрождены такие **политические принципы** дореволюционной России, как «армия вне политики»⁹ (это касалось и других «силовых структур» государства), *внепартийность правительства* (все министры при своём назначении на должность были обязаны официально выходить из состава своих партий).

Вместе с тем, Колчак понимал важность налаживания в послереволюционной обстановке контактов с широкими массами населения, в своих частых поездках на фронт и в прифронтовую полосу встречался не только с солдатами и представителями интеллигенции, но и с делегациями рабочих и крестьян.

Преемственность выразилась и в самой **организации власти**. *Совет министров*, как орган исполнительной власти, подчинялся носителю верховной власти. Управляющие *губерниями и областями* (аналог прежних губернаторов) назначались правительством и непосредственно подчинялись министру внутренних дел. Была восстановлена упразднённая Временным правительством

⁸Законодательная деятельность Российского правительства адмирала А.В. Колчака. Вып. 1. С. 28–29; Правительственный вестник. 1918. 24 ноября.

⁹ А.В. Колчак: сборник документов. СПб., 2021. Т. 2. С. 65.

политическая полиция – государственная охрана¹⁰ в составе Департамента милиции МВД. Причём, если до революции жандармские управления существовали только в губерниях и областях, при Колчаке подразделения государственной охраны были развёрнуты также в уездах и отдельных городах. Не боясь обвинений в «реакционности», в отличие от страдавшего либеральными комплексами А.И. Деникина, Колчак стал привлекать на службу в милицию, государственную охрану и военную контрразведку старые жандармские и полицейские кадры «царского режима», как профессионалов своего дела¹¹. Большинство начальников губернских и областных управлений государственной охраны, как и её высшие руководители, были опытными профессионалами жандармского сыска с солидным стажем работы в чинах от ротмистра до генерал-майора¹².

В результате принятых мер ядро большевистского подполья в Омске и других крупных центрах Сибири и Урала было уничтожено в ходе спецоперации колчаковской контрразведки и государственной охраны в апреле 1919 г.¹³ Государственная охрана, а также военная разведка колчаковской армии высоко оценивались даже со стороны противника – красных¹⁴.

Такая же политика проводилась в отношении привлечения опытных «царских» администраторов гражданского управления. Вообще, организации тыла Колчак уделял значительно большее внимание по сравнению с Деникиным, понимая, что от этого во многом зависит победа на фронте.

Велась и борьба с коррупцией: в частности, за хищения и вымогательства были расстреляны несколько интендантских чиновников, арестованы начальник омской милиции, начальник Томской губернской тюрьмы.

¹⁰ГАРФ. Ф. р-176. Оп. 4. Д. 18. Л. 160; Там же. Оп. 5. Д. 15. Лл. 36–37об; Там же. Оп. 5. Д. 23. Лл. 291–295; Окрест Колчака: документы и материалы / Под ред. А.В. Квакина. М., 2007. С. 86; ГАНО. Ф. д-158. Оп. 1. Д. 2. Л. 107.

¹¹Сибирская речь. 1918. 29 декабря.

¹²Подробнее см.: Кирмель Н.С., Хандорин В.Г. Карающий меч адмирала Колчака. М., 2015. С. 110–117, 282–283.

¹³Подробнее см.: Кирмель Н.С., Хандорин В.Г. Указ. соч. С. 160–161.

¹⁴ГАРФ. Ф. р-5913. Оп. 1. Д. 262. Л. 165об; Греков Н.В. Разведывательная служба в армии Колчака // История белой Сибири. Мат-лыШмеждународ. науч. конференции. Кемерово, 1999. С. 43

В целом же состояние тыла при Колчаке было достаточно стабильным. Численность партизанских отрядов, роль которых так преувеличивает неосоветская пропаганда, даже летом 1919 г., когда начались военные неудачи, не превышала 20 тыс. чел., их очаги были локальными, и лишь к зиме 1919 г., после крушения фронта и в обстановке агонии белой власти, стала стремительно разрастаться и достигла максимальной численности 140 тыс. чел.¹⁵.

В отличие от А.И. Деникина, территория которого сначала стремительно расширялась, а затем ещё более стремительно сужалась, А.В. Колчаку удалось наладить на своей территории полноценный *мобилизационный* военный аппарат (несмотря на определённую нехватку офицерских кадров).

Было покончено и с поспешным демократическим экспериментом в системе *образования*: школы, освобождённые Временным правительством и его демократическими «преемниками» начального этапа Гражданской войны на востоке России от правительственного надзора и всецело переданные в руки педсоветов и местных органов земского и городского самоуправления (что привело к полному расстройству системы народного образования), при Колчаке были вновь подчинены восстановленным попечительским органам правительственного надзора (правда, в высших учебных заведениях, с учётом университетской автономии, их полномочия ограничивались совещательным голосом)¹⁶. Но при этом выборность руководства вузов, практически уничтоженная большевиками и восстановленная сменившей их демократической властью в 1918 г., при Колчаке полностью сохранялась. В армейских гарнизонах создавались отделы внешкольного образования и воспитания солдат¹⁷ (до революции этот процесс сводился к примитивным занятиям «словесностью», проводившимся малограмотными унтер-офицерами).

¹⁵Ларьков Н.С. Партизанско-повстанческое движение в Сибири в годы Гражданской войны (новые подходы) // История Советской России: новые идеи, суждения. Тюмень, 1991. Ч. 1. С. 78.

¹⁶ГАРФ. Ф. р-190. Оп. 1. Д. 88. Лл. 211об, 213об.

¹⁷Подробнее см.: Луков Е.В., Шевелёв Д.Н. Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность (июнь 1918 – январь 1920 г.). Томск, 2007. С. 72–73.

Вопреки утверждениям советской пропаганды о «реакционности» культурно-просветительной политики белых, правительство А.В. Колчака тратило в тяжёлое военное время *излишне* много на образование и науку, в ущерб актуальной в условиях Гражданской войны агитационно-пропагандистской работе¹⁸. При Колчаке был основан Институт исследования Сибири в Томске (закрытый большевиками в 1920 г.), организована научно-исследовательская экспедиция в устье Оби, расходовались большие средства на развитие Томского, Пермского и Иркутского университетов, Томского технологического института, сети школ как для русских детей, так и для нацменьшинств, педагогических курсов для преподавателей¹⁹. Были организованы одни из первых в России курсы по дошкольному воспитанию детей.

В ряде вопросов, связанных с централизацией власти, правительство А.В. Колчака шло даже дальше царского правительства. Так, в законопроекте о выборах в будущее Национальное Учредительное собрание²⁰ хотя и подтверждался введённый Временным правительством принцип всеобщего и равного избирательного права (за исключением военнослужащих, в соответствии с принципом «армия вне политики», и монашествующего духовенства), но при этом отменялись выборы по *партийным спискам*, кандидаты выдвигались только по территориальным избирательным округам. Восстанавливался, как и до революции, достаточно высокий для достижения гражданской зрелости возрастной ценз избирателей в 25 лет (вместо введённого Временным правительством 18-летнего), а пропорциональные выборы (типичные для демократических стран) заменялись *мажоритарными* (более характерными для авторитарных режимов), когда для избрания необходимо набрать свыше 50% голосов, а если ни один из кандидатов столько не набирает, то проводится второй тур между двумя ведущими кандидатами²¹. Подобные же

¹⁸ Подробнее: Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (1-я половина 1918 – 1919 гг.). Новосибирск, 2008. С. 413–414.

¹⁹ Подробнее: Рынков В.М. Указ. соч. С. 362–397.

²⁰ ГАРФ. Ф. р-4707. Оп. 1. Д. 3. Лл. 78об–81.

²¹ Подробнее см.: Хандорин В.Г. Национальная идея и адмирал Колчак. М., 2017. С. 276–281.

изменения произошли в принятых при Колчаке законах о местных земских и городских выборах²².

Когда говорят, что «белые и красные были одинаково жестокими диктаторами», это подтасовка фактов. Советская власть изначально строилась как тоталитарный режим, основанный на сочетании насилия, абсолютного подавления инакомыслия и демократических свобод с мощной, всеобъемлющей идеологической пропагандой. Белогвардейская власть представляла умеренно авторитарную военную диктатуру с ограниченным допуском оппозиционных партий (кроме большевиков) и свободы печати, в газетах нередко подвергались критике управляющие губерниями и даже министры, а также общая политика правительства; вне критики, как и при монархии, оставалась лишь особа Верховного правителя (хотя и были случаи, когда отдельные оппозиционные газеты закрывались властями за превышение допустимой критики, это не мешало им «возродиться» в ином обличье: так, известная оппозиционная омская газета «Заря», будучи закрыта в июне 1919 г., вскоре вновь начала выходить под названием «Русь»).

В противоположность советской власти, вплоть до 1936 года подвергавшей правовой дискриминации (включая лишение избирательных прав и недопущение в высшие учебные заведения) представителей «свергнутых эксплуататорских классов» (включая дворян, предпринимателей, духовенство, «кулаков», даже ремесленников-кустарей и членов их семей), белогвардейская – и, в частности, колчаковская власть строилась на идее гражданско-правового равенства.

Преемственность власти выразилась и в духовной опоре на **Церковь**. Не признав советского декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви, правительство А.В. Колчака отпускало деньги из государственного казначейства на содержание Временного высшего церковного управления (созданного в отсутствие связи с Патриархом Тихоном, находившимся в

²²Правительственный вестник. 1919. 21 января; Законодательная деятельность Российского правительства адмирала А.В. Колчака. Вып. 2. С. 15–16; ГАРФ. Ф. р-176. Оп. 4. Д. 18. Л. 11.

Москве) во главе с омским архиепископом Сильвестром (был убит большевиками и канонизирован РПЦ как священномученик). Была восстановлена структура военного духовенства во главе с главным священником армии и флота (с октября 1919 г. – епископом армии и флота)²³, в школах велось преподавание Закона Божия (правда, идя навстречу веяниям времени и требованиям свободы совести, от его изучения разрешили освобождать по заявлениям родителей, а с 16 лет – по заявлениям самих учеников). В храмах шли службы за здравие «богохранимой державы Российской и благоверного Верховного правителя». Под религиозными знамёнами в сентябре 1919 г. в армии Колчака началось формирование добровольческих православных дружин Святого Креста и мусульманских отрядов Зелёного Знамени. При этом Церковь, как и армия и другие «силовые» государственные структуры, провозглашались вне политики.

Разумеется, Верховный правитель вынужден был учитывать «уроки революции», вызванной в том числе и недоработками старой власти, и порождённые ею сдвиги в народной психологии. Отсюда и упоминавшийся тезис о «непредрешении» государственного строя, и признание таких «завоеваний революции» (в сущности отвечавших духу времени), как упразднение сословного неравенства (постепенно отмиравшего ещё при монархии, начиная с эпохи реформ Александра II), всеобщее избирательное право, 8-часовой рабочий день²⁴ (введённый уже при большевиках) и некоторые другие. Это никак не противоречило укреплению государственности – напротив, способствовало её эволюционному развитию при сохранении основополагающих традиций.

Иные ревнители законности указывают, что правительство А.В. Колчака, подобно советской власти, не имело **легитимности**, поскольку возникло в результате переворота 18 ноября 1918 года, свергнувшего демократическую власть Директории, готовившей возрождение Учредительного собрания,

²³ ГАРФ. Ф. р-176. Оп. 4. Д. 2. Л. 420.

²⁴ Рынков В.М. Указ. соч. С. 274, 295–296.

избранного в 1917 году и разогнанного большевиками. Тем не менее, *формально* источником власти А.В. Колчака как Верховного правителя был передавший ему власть Совет министров, назначенный той же Директорией и признавший факт её «распада» по непредвиденным обстоятельствам (при этом непосредственные исполнители переворота прошли формальную процедуру суда²⁵, прежде чем были оправданы с учётом обстоятельств, вызвавших их действия). Признаем, «легитимность» весьма относительная. Тем не менее, весьма примечательна позиция Сената – высшего судебного учреждения и хранителя законности и права в России с дореволюционного времени, унаследованного Временным правительством. Накануне своего разгона большевиками в ноябре 1917 г. Сенат успел признать советскую власть «лиц, именующих себя народными комиссарами» «незаконной» и «преступной»²⁶ (единственным источником «легитимности» которой был поддержавший её II Всероссийский съезд Советов – совершенно неподзаконных на тот момент *общественных организаций*). *Этот же* Правительствующий Сенат в лице наличных членов, собранный вновь в январе 1919 г. в Омске при Колчаке²⁷, признал его власть *законной*. Именно перед лицом Сената принесли присягу на верность государству и законам сам Колчак и его министры²⁸.

Так или иначе, даже с точки зрения формально-юридической власть Российского правительства А.В. Колчака была относительно легитимной по сравнению с советской властью.

Следует отметить несостоятельность версии, распространённой среди современных либералов и демократов, о том, будто бы диктатура и, в частности, колчаковский переворот, погубили «Белое дело», разрушив коалицию с демократическими партиями и тем самым «сузив» политическую опору белых. Это так же нелепо, как утверждать, что Ленин «сузил свою базу»

²⁵ Правительственный вестник. 1918. 20 ноября; Законодательная деятельность Российского правительства адмирала Колчака. Вып. 1. С. 25–26; ГАРФ. Ф. р-176. Оп. 5. Д. 5. Л. 19.

²⁶ Чубинский М.П. На Дону (из воспоминаний обер-прокурора) // Донская летопись. 1923. № 1. С. 135; ГАРФ. Ф. р-5881. Оп. 2. Д. 807. Лл. 152–193; РГИА. Ф. 1341. Оп. 548. Д. 105. Лл. 1–2.

²⁷ Правительственный вестник. 1919. 3 января; Законодательная деятельность Российского правительства адмирала А.В. Колчака. Вып. 1. С. 88–91.

²⁸ Сибирская жизнь. 1919. 1 февраля.

разрывом с левыми эсерами. На практике Директория повторила на Востоке России в 1918 году «в миниатюре» печальный опыт Временного правительства А.Ф. Керенского 1917 года. Её так же раздирали межпартийные противоречия между кадетами, эсерами, меньшевиками и др., так что современники иронически сравнивали её с персонажами басни Крылова «Лебедь, щука и рак». Власть была низкоэффективной и неавторитетной. Пока фронт был стабильным, её положение было относительно устойчивым, но как только начались первые поражения, она была обречена. Сами бывшие члены свергнутой Директории в своём заявлении признавали, что устранившие её заговорщики победили «на фоне пассивного населения и обессиленных рядов демократии»²⁹.

Подавляющее большинство очевидцев и современников отмечали, что после переворота Колчака престиж власти укрепился, порядка в управлении стало значительно больше, а попытки организованного сопротивления эсеров в Екатеринбурге и Уфе не встретили сколько-нибудь массовой поддержки и были легко подавлены. Более того, демократическую Директорию категорически отказывалась признавать в качестве всероссийской власти такая важнейшая сила Белого движения, как Добровольческая армия генерала А.И. Деникина.

Говоря о демократии и диктатуре, нельзя не согласиться с утверждением тогдашних кадетов, до революции бывших поборниками демократии, но на горьком опыте событий 1917 года отказавшихся от её фетишизации и признавших: «Наиболее полезное и нужное для народа государственное и общественное устройство – то именно, которое *соответствует данному, а не выдуманному уровню его общественного и культурного быта и политического развития* (выделено мной – В.Х.)... Примерка сшитой не по плечу и бестолковыми портными государственно-правовой одежды была русским народом испытана в 1917 году (т. е. при Временном правительстве – В.Х.). Так или иначе, он эту одежду сбросил»³⁰.

²⁹ ГАРФ. Ф. р-6219. Оп. 1. Д. 31. Л. 3.

³⁰ Сибирская речь (Омск). 1919. 17 сентября.

Что касается коалиции партий, то на практике она была фикцией уже к моменту переворота – и общество, и структуры власти всё острее раздирала межпартийная борьба, в которой на одном фланге стояли кадеты, на другом – эсеры. Переворот лишь завершил и «узаконил» распад этой непрочной коалиции, единственным связующим звеном которой была борьба с большевиками. Демократическое движение в роли «третьей силы» российской Гражданской войны оказалось наиболее слабым и организационно аморфным, будучи свергнуто (и в дальнейшем раздавлено «красным террором») в масштабах всей России «левой» диктатурой большевиков, а затем на Востоке России – «правой» диктатурой белых. Так обычно и бывает в экстремальных исторических ситуациях.

При этом сохранилась коалиция с относительно немногочисленными, наиболее *правыми* группами социалистов – такими, как партия энесов (народных социалистов), правым крылом сибирских автономистов-областников и совсем малочисленными, наиболее правыми группами партий эсеров («Воля народа» Б.В. Савинкова и В.Л. Бурцева) и меньшевиков («Единство», из последователей Г.В. Плеханова). Эти группы, при общей демократической настроенности и умеренно критическом отношении к диктатуре и политике белых, всё же считали их «меньшим злом» по сравнению с большевиками и поэтому поддерживали (а некоторые, как Савинков и Бурцев, и вовсе встали на позицию безоговорочной поддержки диктатуры). В отличие от большинства партий эсеров и меньшевиков, расколовшихся на союзников большевиков (во главе с В.М. Черновым, В.К. Вольским и Ю.О. Мартовым) и сторонников «третьего пути» под лозунгом «Ни Ленин, ни Колчак!» (глашатаями которых выступали за границей А.Ф. Керенский и Н.Д. Авксентьев). Стараниями кадетов эти, наиболее правые и конструктивные группы социалистов были объединены в т. н. Омский национальный блок и привлечены к сотрудничеству.

Недостаток политического опыта лично А.В. Колчаку отчасти компенсировали природный интеллект и здравый смысл. Он вполне освоил практичную линию в таких вопросах, как, с одной стороны, методы диктатуры

и беспощадность в борьбе с большевизмом в условиях Гражданской войны, с другой стороны – осторожность в сочетании с твёрдостью в отношениях с союзниками, понимание необходимости демократических деклараций и завоевания симпатий широкой общественности, сочетание репрессий с пропагандой. О его прагматизме говорит и такой, казалось бы, «проходной» факт, что издание своей грамоты о созыве выборного Государственного земского совещания он откладывал до тех пор, пока в сентябре 1919 г. не возобновились (на недолгое время) военные победы, чтобы это выглядело *не вынужденной* уступкой со стороны власти, а её *добровольным* почином³¹. Другой вопрос, что в стремительно менявшихся условиях Гражданской войны полноценное формирование белой идеологии так и не было завершено, и большевикам по ряду причин удалось «переиграть» белых.

Особенно ярко борьба за сохранение и укрепление российской государственности проявлялась во **внешней** и **национальной** политике правительства А.В. Колчака. В отличие от большевиков, демагогическим провозглашением «права наций на самоопределение» заложивших бомбу замедленного действия под Россию, белые твёрдо отстаивали восстановление единой неделимой России в дореволюционных границах, признавая лишь независимость Польши (признанную ещё Временным правительством в марте 1917 г.) и соглашаясь предоставить внутреннее самоуправление национальным окраинам. Главный боевой клич Белой армии: «За единую неделимую Россию!» – объединил вокруг неё патриотические круги общества.

Особенно ярко это проявилось в т. н. «финляндском» вопросе. В 1919 г. встал вопрос о предоставлении финнами военной помощи Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича во взятии Петрограда, в обмен на признание белыми независимости Финляндии (*уже* признанной большевиками). В переписке по этому поводу Верховный правитель адмирал А.В. Колчак сообщил министру иностранных дел С.Д. Сазонову в Париж (8 марта 1919 г.)³²

³¹ Кроль Л.А. За три года. Воспоминания, впечатления, встречи. Владивосток, 1921. С. 194.

³² ГАРФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 341. Л. 31.

и затем генералу Юденичу (26 мая 1919 г.)³³, что «не считает кого-либо правомочным» решать данный вопрос до созыва нового Всероссийского учредительного собрания. Дальнейшая история переговоров прослеживается в дневниковых записях министра внутренних дел Колчака В.Н. Пепеляева: «Финны из участия во взятии Петрограда требуют признания безусловной независимости, самоопределения населения Карелии и Олонецкой губернии»³⁴. Колчак отверг сделку, что с удовлетворением констатировал Пепеляев в дневнике 10 июля 1919 г.: «Притязания Финляндии, выставленные ею при переговорах с Юденичем по вопросу о походе на Петроград, признаны явно неприемлемыми. Документ есть»³⁵. 29 июля Колчак телеграфировал через свой МИД и генерала Е.К. Миллера Юденичу: «Не вступайте ни в какие договорные обязательства с финляндским правительством. Условия соглашения неприемлемы, и нет уверенности [в] сильной помощи Финляндии. Адмирал Колчак»³⁶. Однако в разгар боёв за Петроград, 27 октября 1919 г. Юденич в телеграмме Колчаку через поверенного в делах в Англии Саблина стал призывать к срочному признанию независимости Финляндии ради её привлечения к наступлению на Петроград³⁷. В свою очередь, генерал Г. Маннергейм 28 октября написал открытое письмо президенту Финляндии К. Стольбергу с призывом к походу на Петроград вместе с Юденичем, но Стольберг не счёл возможным даже выдвигать это предложение в сейм, большинство в котором составляли социалисты³⁸.

В ответ на это 1 ноября адмирал Колчак телеграфировал в Париж министру иностранных дел Сазонову свою резолюцию: «Категорически заявляю, что ни при каких обстоятельствах я не дам со стороны своей заверения о признании независимости Финляндии»³⁹. В другой телеграмме Сазонову он

³³ ГАРФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 396. Л. 58.

³⁴ Окрест Колчака. С. 91; ГАНО. Ф. д-158. Оп. 1. Д. 2. Л. 109; Перейра Н. Белая Сибирь: политика и общество / Пер. с англ. М., 1996. С. 98.

³⁵ Окрест Колчака. С. 92; ГАНО. Ф. д-158. Оп. 1. Д. 2. Л. 109.

³⁶ ГАРФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 58. Л. 34.

³⁷ ГАРФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 713. Л. 30.

³⁸ Шмелёв А.В. Внешняя политика правительства адмирала Колчака. СПб., 2017. С. 141–142.

³⁹ Шмелёв А.В. Указ. соч. С. 140.

писал: «Никаких соглашений за счёт русской территории я не допускаю и не считаю себя правомочным решать подобного рода вопросы. Тенденции новых государственных организаций, возникающих за счёт России, использовать тяжёлые условия, в которых мы находимся, мне понятны, но удовлетворить аппетиты создавшихся за счёт России и руками союзников за письменным столом в Версале государств я не могу и не буду»⁴⁰. И пояснял свою позицию в телеграмме от 5 декабря 1919 г.: «Образование самоопределяющихся республик в виде Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Украины и других социалистических образований, ставит Россию в положение Московии после Столбовского трактата. 300-летний исторический путь России даёт основание считать, что в дальнейшем будущем Россия не откажется от этого пути, определяемого государственными операционными направлениями на морские пути сообщения. Отказ от этих направлений и суверенных прав на территории, соприкасающиеся с выходами на Балтийское, Чёрное и Средиземное моря и в Тихий океан, означал бы историческую гибель русского народа и одичание его в глубине равнин Европейской России и Сибири»⁴¹.

Изложенные документы опровергают, с одной стороны, старые советские мифы о «распродаже России» белогвардейцами, с другой стороны – убедительно доказывают не только попечение А.В. Колчака о государственных интересах России, но и его прагматизм в рассматриваемом вопросе. И стремления финских националистов к овладению Карелией, и – в ещё большей степени – политическая ситуация в самой Финляндии (вначале позволявшая сомневаться в её помощи, а затем и практически исключившая надежды на неё) демонстрировали, что поспешное признание её независимости и претензий на Карелию не только не гарантировало бы ожидаемой отдачи, но и внесло бы раскол в ряды Белого движения, шедшего под великодержавно-патриотическими лозунгами, создало бы опасный прецедент для остальных национальных окраин, и наконец, породило бы упреки в узурпации воли

⁴⁰ Шмелёв А.В. Указ. соч. С. 141.

⁴¹ Шмелёв А.В. Указ. соч. С. 145.

будущего Национального собрания. В связи с этим, следует признать позицию Колчака в данном вопросе не только проникнутой заботой об интересах России, но и политически оправданной⁴². Солидарность с ним проявили и А.И. Деникин, и большинство остальных белых⁴³.

При этом даже в обстановке Гражданской войны и связанного с ней временного распада России далеко не все национальные окраины добивались независимости. В отличие от националистических правительств Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Украины (Петлюры), Грузии и Азербайджана, традиционное тяготение к России – и именно к *белой* России, а не к интернациональной советской – проявляли Белоруссия (глава её временного правительства А. Баханович в письме Колчаку 27 февраля 1919 г. прямо писал: «Белоруссия не мыслит себя иначе, как в составе общей Родины – единой великой России»⁴⁴), Армения (правительство которой не возражало вернуться в её состав в случае победы белых на условиях автономии), среднеазиатские владыки хан Хивинский и эмир Бухарский (что явствует из их переписки с Колчаком⁴⁵, причём хана Хивинского в награду за его лояльность Колчак пожаловал в генерал-майоры Оренбургского казачьего войска), за воссоединение с Россией активно выступали русины (карпаторуссы) Галиции и Закарпатья⁴⁶, не говоря уже о подавляющем большинстве «внутренних» нацменьшинств России.

Твёрдо придерживался принципов неделимости России Колчак и в отношениях с союзниками по Антанте. При этом наиболее дальновидные из западных политиков вроде У. Черчилля, понимавшие всю опасность

⁴² См. также: Хандорин В.Г. А.В. Колчак и «финляндский вопрос» // Исторический журнал: научные исследования. 2013. № 4 (16). С. 395–404; Наумов В.П. Переписка А.В. Колчака с К.Г. Маннергеймом и государственными деятелями белогвардейских правительств по вопросу о возможности финского наступления на Петроград (май–сентябрь 1919 г.) // Гражданская война в Сибири: Мат-лы Всерос. заочной научно-практ. конференции. Омск, 2013. С. 92–98.

⁴³ Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917 – 1920 гг.). М., 1982. С. 255; Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и её крах. М., 1983. С. 196–197. См. также: Правда (М.). 1919. 25 июня.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 334. Л. 47.

⁴⁵ А.В. Колчак: сборник документов. Т. 2. С. 372–373, 376–378.

⁴⁶ Подробнее см.: Хандорин В.Г. Карпаторуссы в Белом движении. Из истории национального движения карпаторуссов (русин) // Досягнення соціально-гуманітарних наук в сучасній Україні. Матеріали III Всеукраїнської наукової конференції з міжнародною участю. Симферополь, 2013. Ч. 4. С. 109–112.

большевизма для европейской цивилизации, готовы были до известной степени идти навстречу великодержавным устремлениям белогвардейцев. По сообщению поверенного в делах в Лондоне Саблина от 24 октября 1919 г., Черчилль рекомендовал британскому МИДу признать правительство Колчака и права России не только на Украину, весь Кавказ и Среднюю Азию, но и на Прибалтику (кроме Финляндии⁴⁷: итого получаются практически границы СССР 1940 года).

Вынужденный опираться на материально-техническую помощь союзников, А.В. Колчак при этом категорически отвергал их попытки решать внутренние дела России и охранял её национальное достоинство. Так, он отказался от «посреднической» инициативы Вильсона и Ллойд-Джорджа по созыву конференции на Принцевых островах для мирных переговоров с большевиками (заявив в ответ, что «с убийцами и мошенниками, для которых ни закон, ни договор не писан, разговаривать не приходится»⁴⁸). В ответ на вручённый ему в декабре 1918 г. мандат французского генерала М. Жанена, уполномоченного Антантой командовать всеми войсками в Сибири, в т. ч. русскими, Верховный правитель заявил, что скорее вообще откажется от иностранной помощи, чем согласится на это; в итоге Жанен получил командование только над союзными войсками⁴⁹. В дальнейшем адмирал отказался передать под охрану союзников золотой запас, при этом прямо заявил: «Лучше пусть это золото достанется большевикам, чем будет увезено из России»⁵⁰.

И, пожалуй, самый яркий пример. После информации о подготовке восстания во Владивостоке в сентябре 1919 г. командующий военным округом генерал С.Н. Розанов ввёл в город дополнительные войска, в ответ на что «союзное» японо-американское командование потребовало *полного* вывода русских войск из Владивостока. Узнав об этом, Колчак в приказе Розанову от

⁴⁷ГАРФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 330. Лл. 62–63.

⁴⁸Сибирская жизнь (Томск). 1919. 4 февраля.

⁴⁹Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. М., 2005. Кн. 2. С. 94, 97–98; Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. М., 2008. С. 275; ГАРФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 330. Лл. 22–22об, 40–40об.

⁵⁰Гинс Г.К. Указ. соч. С. 440.

29 сентября 1919 г. писал предельно жёстко: «Повелеваю Вам оставить русские войска во Владивостоке... Сообщите союзному командованию, что Владивосток есть русская крепость, в которой русские войска подчинены мне и ничьих распоряжений, кроме моих и уполномоченных мною лиц, не исполняют. Повелеваю Вам оградить от всяких посягательств суверенные права России на территории крепости Владивосток, не останавливаясь, в крайнем случае, ни перед чем... Адмирал Колчак»⁵¹. Содержание и тон данного документа не оставляют камня на камне от инсинуаций старых и новых просоветских пропагандистов о «марионетке иностранного капитала». Благодаря проявлению твёрдости Колчак достиг результата: «союзники» стусевались. Как сообщал генерал Розанов, виновник инцидента, «начштаба американских войск левый социалист полковник Робинсон... уволен [в] отставку и отозван [в] Америку»⁵². Отпор бесцеремонным союзникам произвёл огромный общественный резонанс.

Косвенно способствовала укреплению государственности и **социально-экономическая** политика А.В. Колчака. Если у большевиков она строилась на противоестественном уничтожении частной собственности и на всевозможных привилегиях рабочему классу (в рамках «диктатуры пролетариата») и беднейшему крестьянству, то у белых она была направлена, как в любом нормальном государстве, на *урегулирование* классовых противоречий в обществе. Охранялась неприкосновенность частной собственности (в связи с чем все её объекты, произвольно «национализированные» большевиками, возвращались законным владельцам), защищалась свободная конкуренция, поощрялись и другие формы собственности (например, распространённая в Сибири кооперация). Правительство Колчака отказалось от проводившихся его демократическими предшественниками государственных монополий на хлеб,

⁵¹Цит. по: Гинс Г.К. Указ. соч. С. 443–444. В свою очередь, правительство Колчака в ответной ноте на союзный ультиматум писало, что «заявление иностранного военного командования выходит из круга ведения последнего и является несовместимым с понятием суверенитета русской власти», а поэтому русское командование «по повелению Верховного Правителя будет до конца отстаивать права и достоинство России» (ГАРФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 118. Л. 100).

⁵² ГАРФ. Ф. р-200. Оп. 1. Д. 58. Л. 46.

мясо и масло⁵³, лишь обостривших дефицит этих продуктов. После исследования вопроса о спекуляции особое совещание экономистов и юристов при Министерстве продовольствия и снабжения пришло к выводу о необходимости прекращения всяких карательных мер против неё и замене их борьбой за нормализацию транспорта, конкуренции и других условий торговли, которые должны привести к стабилизации цен⁵⁴. Проводилась гибкая политика в отношении таможенных пошлин на импорт: так, на товары, выпускаемые отечественной промышленностью с использованием передовых технологий, они повышались с целью защиты от конкуренции импортных товаров, а на дефицитные товары, напротив, снижались.

Вместе с тем, в социальной сфере освобождались от налогообложения наиболее малоимущие слои населения, впервые в Сибири была введена практика исчисления *прожиточных минимумов* (индексировавшихся по мере инфляции)⁵⁵, поощрялись профсоюзная деятельность *вне политики* и практика заключения коллективных договоров между предпринимателями и рабочими. В спорных вопросах между предпринимателями и рабочими примирительные камеры и Министерство труда нередко занимали сторону рабочих, если работодатель нарушал закон или условия коллективного договора.

Всё это привело не только к оживлению экономики и относительному насыщению рынка товарами (насколько это возможно в условиях Гражданской войны), представлявшему резкий контраст с тотальными товарными дефицитами и полуголодным существованием на территории Советской России, но и к росту производительности труда на заводах промышленного Урала *впервые* с начала революции⁵⁶.

Для координации деятельности правительства по вопросам экономики и финансов было создано Государственное экономическое совещание из представителей банков, торговли, промышленности, кооперации, а позднее

⁵³Правительственный вестник. 1918. 14 декабря; Законодательная деятельность Российского правительства адмирала А.В. Колчака. Вып. 1. С. 42.

⁵⁴Сибирская речь (Омск). 1919. 21 мая.

⁵⁵Рынков В.М. Указ. соч. С. 138–140, 165.

⁵⁶Гинс Г.К. Указ. соч. С. 354.

также земств и городов⁵⁷. О понимании А.В. Колчаком важности вопросов экономики для государства говорит его фраза: «Всякая революция, всякий государственный переворот, в конце концов, имеет свои основания в экономическом положении государства»⁵⁸. Также при правительстве был образован комитет по вопросам стратегически важного для России Северного морского пути, в планах которого были новые исследовательские экспедиции и строительство порта в устье Енисея.

Неудачной следует признать лишь политику правительства А.В. Колчака по достижению компромисса в земельном вопросе между крестьянами и бывшими помещиками. Наделяя землёй участников войны и семьи погибших⁵⁹, а также разрешая крестьянам пользование собранным урожаем с захваченных ими земель помещиков⁶⁰, колчаковское правительство откладывало окончательное решение земельного вопроса до окончания войны; при этом законопроект правительства предполагал всё-таки частичный возврат помещичьих земель их бывшим владельцам с выплатой компенсации за ту часть, которая останется у крестьян⁶¹. Компромисс в этом вопросе не сулил перспектив, ибо дворянство как класс сошло с исторической сцены, и не мог удовлетворить крестьян, составлявших (без казаков) 75% населения России. В итоге именно половинчатое решение земельного вопроса, равно как и слабость организации пропаганды, стали основными причинами поражения белых.

Успехи А.В. Колчака в государственном и военном строительстве признавали и его противники – большевики. Так, председатель Сибирского ревкома И.Н. Смирнов доносил В.И. Ленину, что «в Сибири контрреволюция

⁵⁷Правительственный вестник. 1918. 27 ноября; Законодательная деятельность Российского правительства адмирала А.В. Колчака. Вып. 1. С. 31–32.

⁵⁸Цит. по: Сибирская жизнь (Томск). 1919. 24 июня.

⁵⁹Правительственный вестник. 1919. 18 марта; Лончаков Ю.Г. Аграрная политика временных государственных образований Сибири в 1918–1919 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1997. С. 11–12.

⁶⁰Правительственный вестник. 1919. 10 апреля; ГАРФ. Ф. р-176. Оп. 4. Д. 18. Л. 256об; Известия Министерства земледелия. 1919. № 9–10. С. 2.

⁶¹Гинс Г.К. Указ. соч. С. 321; Сибирская жизнь. 1919. 24 июня.

сложилась в *правильно организованное государство* (выделено мной – В.Х.) с большой армией и мощным разветвлённым госаппаратом»⁶².

Поражение Белого движения, произошедшее по ряду причин (в ряду которых выделяются нерешённость белыми земельного вопроса и слабая организация пропаганды), совсем не означает его «историческую обречённость». Напротив, конечный крах советского интернационально-коммунистического проекта заставляет обратиться к историческому опыту Белого движения и признать не только его национально-государственную ориентированность, но и актуальность отдельных его идей и практик по сей день. В частности, это отчётливо проявлявшиеся в деятельности А.В. Колчака отстаивание единства и суверенитета России, сочетание политики умеренной модернизации с опорой на традиции (прежде всего такие, как религия и умеренно авторитарная власть), защита частной собственности и гражданского равноправия с одновременным урегулированием острых социальных вопросов. Ведь именно эти тенденции являются злободневными и актуальными для сохранения российской государственности и сегодня.

Статья подготовлена для сборника «Защитники русской государственности в портретах и событиях», изданной НБФ «Наследие» в рамках проекта «Анатомия российской смуты. История и современность» на средства гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов.

⁶² Сибирская Вандея: сборник документов / Под ред. В.И. Шишкина. М., 2000. Т. 1. С. 613.

